

становления? Выходит так, что становящаяся субъективность, к которой мы обращаемся, еще не обрела легитимного существования.

Литература

1. Бадью А. Манифест философии. – СПб., 2003.
2. Бадью А. Апостол Павел. Обоснование универсализма. – М.:СПб., 1999. – С.39
3. Badiou A. L'Être et l'èvenement. Seuil, 1988.
4. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М., 1999.
5. Логинов А. Идеология как предмет социально-гуманитарных дисциплин // Гуманитаризация общественности: сб. науч. ст. – Екатеринбург, 2004.

6. Паскаль Б. Мысли. – М., 1995.
7. Флоренский П. Столп и утверждение истины. – М.: Правда, Т1(2).

Смирнов Алексей Евгеньевич, канд. филос. наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии и психологии Восточно-Сибирский Институт МВД России.

Smirnov Alexey Evgenievich, cand. of philosophy sci. associate professor, East-Siberian Institute of the Ministry of internal affairs of the Russian Federation, vice-head of department of philosophy and psychology.

E-mail: aesmir@mail.ru

УДК 101.1:316722

Л.С. Сысоева, П.В. Аносов

ИДЕНТИФИКАЦИЯ РУССКОГО МЕНТАЛИТЕТА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье предлагаются к рассмотрению основные ментальные черты русского народа в современной российской культуре. Она характеризуется очередным ментальным переломом, связанным с отказом России от советской державности, что повлекло за собой в условиях непродуктивного реформирования определенные ментальные надломы. Рассматривается некоторый пассионарный взлет последних лет, который возрождает былые ментальные черты русского народа и дает надежду на становление новой позитивной ментальности, способной сохранить традиции богатой культуры России.

Ключевые слова: менталитет, русский народ, современная культура.

L.S. Syssoeva, P.V. Anosov

IDENTIFICATION OF THE RUSSIAN MENTALITY IN MODERN CULTURE

Identification of the Russian mentality in modern culture as mental traits of Russian people in modern Russian culture is considered. It is characterized by the next mental change, connected with Russia's refusal from the soviet powerty that has caused mental breaks in condition of unproductive reforms. Last years' passionary upsurge, which revives the past mental traits of Russian people and gives the hope for formation new positive mentality capable to save the traditions of Russia's rich culture is analysed.

Key words: mental, Russian people, modern culture, mental traits.

Те идеалы правдоискательства, смирения и покаяния, которые были свойственны предыдущим эпохам [1, с. 22], и поиски национальной идеи по-прежнему главенствуют в душе русского человека и являются актуальными в России по сей день. Мы постоянно находимся в поиске единственно приемлемой для нас идеи развития. Идеология евразийства как отражение духовного мира русской культуры не является единственной для нас в настоящее время, хотя от Востока нам досталась культурная традиция сильной, неограниченной власти, абсолютного подчинения и уважения к начальнику. Но фактор власти на Востоке как божественной ничего не имел общего с русскими представлениями, поскольку русский человек всегда говорил: «До Бога высоко, до царя далеко!». С другой стороны, идеи демократии и свободы в западном их воплощении не укоренились в русском менталитете. Демократия из народовластия превратилась в *корпоративную* власть олигархических группировок. Свобода же трансформировалась во вседозволенность при отсутствии каких-либо морально-нравственных ограничений.

Сейчас складывается в русском менталитете отказ от стремления к переустройству быстрыми темпами, от состояния мобилизации и демобилиза-

ции, и вырабатывается самоуважение. Приемлемой опорой служит консолидированная идея общей судьбы, общности русской культуры в ее положительном образе [3, с. 137-138]. Формируются позитивные установки на отношение к своему прошлому, поскольку любая нация, лишенная своих корневых оснований, не может существовать длительный период времени. В ментальности русской нации как заступнической, оказывающей содействие другим народам в обретении их идентичности с учетом их культурных традиций и обычаев, складывается понимание, что к диалогу с другими народами надо подходить на основе разумной политики и осуществления равноправия, не допускать диффамации (оскорбления) по отношению к русскому народу, освободиться от крайностей самовозвеличивания и чрезмерного самоуничтожения – комплекса неполноценности, возникшего после добровольного отказа от державности [4].

У русских, по мысли писателя и публициста А. Солженицына, своя выстраданная культура. «Духовное своеобычае» России сквозь века подпитывалось православием. Оно было ведущей силой русской истории, определяло русскую культуру в ее онтологическом понимании. Православие определило ментальные черты русского национального

характера, такие как сострадательность, самопожертвование, способность к раскаянию, смирение с судьбой, доверчивость, искание правды и справедливости, вера как главная опора характера. Они гармонично сочетались с чертами «прирожденными, отродными» – отзывчивостью, открытостью, великодушием, простотой, умом, юмором и т.д. С попытки модернизации православного культа, предпринятого в XVII в. патриархом Никоном, а затем «безжалостных реформ» Петра I, насильственно втискивавшего Московскую Русь в чужие формы и заставлявшего развиваться в них, начались, по идее писателя, все беды России, закончившиеся последним и роковым шагом в пропасть – Октябрем 1917 г. Чтобы вести такую страну, убежден А.И. Солженицын, нужно иметь национальную линию, ощущать всю ее многовековую историю. В противном случае, предупреждает он, можно больше потерять «дорогого своего, чем приобрести взамен» [5, с. 204].

С позицией А.И. Солженицына о том, что русский народ есть державообразующий стержень, что дух, а не кровь определяет национальность, смыкаются взгляды Н.А. Нарочницкой. В последней монографии «Россия и русские в мировой истории» она считает, что национальную идею не нужно специально придумывать, устанавливать и внедрять в историческое сознание общества: идея сама «прорастает из семян национального чувства» [6]. Не надо затаптывать эту идею и препятствовать процессу облагораживания ее православным духом. Русский народ с русской православной культурой есть ее державообразующий стержень. Другие народы осознанно вошли в его исторический проект, поэтому Россия была не колониальной империей западного типа, а «империей как высшей формой госстроительства» [Там же]. При всей уникальности и самобытности каждого народа российского не следует забывать, убеждена Н.А. Нарочницкая, что русский народ есть основатель российской государственности, и не следует бояться признать, что это державообразующий народ. Российский народ есть гражданская общность, но культуру рождает нация, при этом не бывает культуры, не основанной на религиозном восприятии жизни и истории – иными словами, восприятии бытия. Русские – народ православный по вере и культуре. Многие нерусские народы принадлежат к православной культуре, так как воспитаны на русской литературе, на русской этике. Можно полагать, что ее взгляды смыкаются в известном смысле с представлениями автора идеи «Сбережения народа» о культуроформирующей роли русского православия, во-первых. А во-вторых, с его убеждением, что дух, а не кровь определяет национальность. Возрождение православия, убеждена историк-международник и политик, могло бы способствовать укреплению духовных основ российского великодержавия, превращению России в значительный фактор на мировой арене. А в конечном счете,

стать серьезным препятствием мессианству Pan Americana.

Нация не должна позволять глумиться над собственной историей, и вместо «чего не хотим и во что не верим» [7, с. 12], наконец, возрождается вера в позитивные идеалы, пролонгирующие лучшие отечественные традиции. И одна из первых состоит в том, что русскому народу необходимо избавиться от нигилистического отношения к собственному историческому пути, который невозможно втиснуть в схему либерализма, что у России особенная стать альтернативной мощной православной цивилизации. Путь русского народа в мировой истории отражает судьбу человека и человечества в его нравственном поиске. Российское великодержавие в историософском смысле есть мировой феномен, удерживающий мир от энтропии, от смешения Добра и Зла. В этом смысле возможно принятие мессианства русской идеи. Насущная потребность сегодняшнего дня, с этой позиции, заключается в возрождении воли к историческому бытию, в осознании преемственности отечественной истории, восстановлении русской духовности, русской культуры, высших ценностей – национальных, исторических, религиозных, семейных, что означает не стесняться своей русскости.

В современных вариантах русской идеи вполне приемлемы варианты русскости как критики западного либерализма, состоятельности неоевразийства, державности, национальной надсословности, православного христианства с идеей равенства, справедливости и духовности.

В то же время посредством развития приоритета духовных ценностей в русском менталитете важно суметь не превратиться в полуколонию Запада без наличия собственных создаваемых материальных ценностей. Происходит преодоление «смердяковщины», означающей преклонение России перед западным образом жизни, отчуждения от нашего собственного прошлого, восстановление коллективной и исторической памяти посредством обращения к историческим образам выдающихся людей, на идеалы и идеи которых следует опереться.

Преодолеваются такие, доставшиеся нам от прежнего периода развития черты в русском менталитете, как стремление все изменить до основания, «быть впереди планеты всей». Таким образом мы сможем восстановить *механизм инвариантности корневых оснований русского менталитета*, утраченный в период того ментального перелома, который может быть обозначен как пролетарское мессианство. Отбрасываются сомнения в правильности нашей ориентации на самостояние, обустройство собственного дома. Сложилось представление, что «славянскую взаимность», о которой так много писали славянофилы, а также Ф.И. Тютчев, А.И. Солженицын, В. Распутин, можно временно забыть, хотя Патриарх Кирилл по-прежнему настаивает на ней.

В настоящее время интеллигенция, способная

создать приемлемые для русского менталитета модели выхода из создавшегося кризиса, формируются, но, к сожалению, не обладают властными полномочиями их реализации и создания гражданского общества [8].

Такие ментальные черты, как пространственность души и пространственность мышления, способность русского человека «уноситься в стихийном вихре в бесконечную даль», на которые указывал еще Н.А. Бердяев, неумение осуществлять разрабатываемые идеи, по-прежнему присутствуют. А потому осуществление их ведет к новому шоку, абсурду, жертвам русского народа в контексте современной российской жизни, проводимой социальной политики. Это является препятствием для выработки положительного отношения в коллективном бессознательном русского менталитета к любой реформаторской деятельности, содействия ей. В русском менталитете сложилось состояние психологической дезорганизации, связанное с постоянно происходящими процессами перемен в обществе без их положительной динамики, болезненное восприятие большинством населения смены своего социального статуса.

Даже если перемены носят положительный характер, они воспринимаются в русском менталитете негативно. Ожидание кризиса стало частью русской ментальности. Русскому национальному характеру для осуществления реформаторской деятельности мешают такие, доставшиеся ему из прошлого, черты, как экзистенциальное сомнение, неопределенность, долготерпение, умение обходиться самым необходимым. Только восстановление утраченного баланса, духовного и материального, поможет России, не превратившись в чисто «западного гонщика» за прибылью, обрести нашу *истинную русскую идентичность*, а с ним и наш утраченный «Я-уникум», привить уважение к стабильности, обеспечив материальное благополучие, выработав положительное отношение к богатству людей как хозяев своей страны, не допуская всевластия *корпоративного менталитета* олигархических кланов. Но, к сожалению, и другая крайность – перенесение западных ценностей капитализма на российскую почву – также оборачивается выработкой таких ментальных черт, как жадность, бесчеловечность и в то же время нерациональность. Вследствие утраты доверия к русским бизнесменам, когда ведение бизнеса в России ассоциируется с повышенным риском, разгулом криминала и недоверием со стороны западных партнеров, желание честного бизнеса в России видится «призрачным». Стимулируется выработка положительных ментальных установок у русских на необходимость развития предпринимательства, среднего класса как основы для последующего развития, а не того *психического склада*, основанного на желании «все отобрать и поделить».

Правовая незащищенность индивида в континууме всеобщей бюрократизации, низкого уровня

трудовой этики не создает ментальную атмосферу жизни на основе достойно оплачиваемого труда и понимания материальной помощи родителей детям как носящей временный характер. Повышенное потребление алкоголя, насилие в семье вследствие стрессового и депрессивного состояния населения, состояние сиротства, девиантного поведения в школе и на улице и т.п., деструкция личности и тотальное отчуждение становятся ментальными чертами русского народа. Вследствие этой отчужденности сформировались такие черты в русском менталитете, как черствость, безразличие, равнодушие к проблемам другого человека, презрение и неуважительное отношение к детству и старшему поколению, к старости как таковой. Поэтому сохранение психического, морального и физического здоровья нации должно быть поставлено во главе угла современной жизни человека русского менталитета, иначе он будет обречен в дальнейшем на кризисное и диспропорциональное развитие. Можно добавить огрубление нравов и деградацию *языковой ментальности*, интеллектуальную упрощенность даже в гуманитарной среде.

Расколотовость, существующая в *социально-психологическом самосознании* русского менталитета сегодня, как нам представляется, является следствием не только непродуманности решений власти, но и вынужденности русского человека жить одним днем, не имея возможности заботиться о жизни последующих поколений. Можно также говорить о формировании в русском менталитете пренебрежительного отношения к ценности человеческой жизни как *типу социального мышления*, определяющего образ жизни, деятельность. Когда потеряны ориентиры собственного развития, жизнь протекает в экзистенциальном вакууме, т.е. утрачивается ее созидательный смысл. Поэтому необходимо освободиться от подобного состояния русского менталитета посредством преодоления «духовного разлома» в душе и возврата к культурным традициям. Преодолеть расколотовое состояние русского менталитета поможет право, когда станет истинным регулятором общественных отношений, а не тем «факультетом ненужных вещей», которым оно остается и сейчас. Сформировать на ментальном уровне установки, связанные с преодолением правового отчуждения, построением гражданского общества, обозначив необходимую модель взаимодействия с различными социальными институтами и слоями общества, что поможет преодолевать коррумпированную бюрократию, ставшую национальным бедствием. Для идентификации русского менталитета должно возродиться положительное отношение к такой ментальной черте, как коллективизм посредством коллективных форм сотрудничества, позволяющих преодолеть крайности индивидуализма, крайних националистических настроений, понять ценности иерархии.

Определяя ту фазу *пассионарности*, на которой находится русская ментальность сегодня, можно

прийти к выводу, что это *фаза надлома*. Русская ментальность еще формируется и постоянно испытывает на себе кризисы предшествующего слома культурной самоидентификации. Поэтому преодоление этого надлома важно нам для обеспечения стабильности русских культурных констант.

Литература

1. Худякова Г.П. Самобытность русской философии (аспект мировоззренческого поступка): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Екатеринбург, 1998. – 42 с.
2. Бутенко А.П., Колесниченко Ю.В. Менталитет россиян и евразийство // Социологические исследования. – 1996. – №5. – С. 92-103.
3. Сорокин П.А. Общие черты и различия между Россией и США. Из истории развития межнациональных отношений в России (фрагменты из книги «Россия и Соединенные штаты, 1944») // Социс. – 1993. – №8. – С. 133-145.
4. Дыркова Л.А., Сысоева Л.С. Русское мессианство и судьбы России. – Томск: Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2009. – 272 с.
5. Солженицын А.И. Россия в обвале. – М.: Русский путь, 1998. – 208 с.
6. Нарочницкая Н. Чтобы выжить – нам надо уверенно

ощущать себя русскими // Комсомольская правда. – 2004. – 2 июня.

7. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. – М.: Междунар. отношения, 2005. – 536 с.

8. Sysoyeva L.S. Russian democracy in the vacuum of civil society // Santalka. – 2009. – Т.17. – №1. – Р. 41-4.

Сысоева Любовь Семеновна, д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой социальной работы, социальной и клинической психологии Сибирского государственного медицинского университета.

Sysoyeva Lubov' Semenovna – d-r of philosophy sci., prof., head of department of social work, social and clinical psychology of Siberian State Medical University

E-mail: sysojeva@mail.ru

Аносов Павел Владимирович, соискатель кафедры истории и теории культуры Института культуры и искусств Томского государственного университета.

Anosov Pavel Vladimirovich, post-graduate of department of history and theory of culture of Institute of Culture and Arts of Tomsk State University.

Тел.: 89138046851.

УДК 2-135

Г.М. Тарнапольская

САКРАЛЬНОСТЬ СИМВОЛА В МИФОЛОГИЧЕСКОМ БЫТИИ

Возникновение в символе свойства сакральности анализируется методом категориального различения сущности и энергии. Дается понимание сакральности символа в мифе.

Ключевые слова: сакральность, миф, ритуал, сущность, энергия

G.M. Tarnapol'skaya

SACREDNESS OF THE SYMBOL IN MYTHOLOGICAL BEING

The beginning in a symbol the qualities of sacredness is analyzed in accordance with dialectics of essence and energy. The understanding of the sacredness of the symbol in the myth is shown.

Key words: sacred, myth, ritual, essence, energy.

Знак и символ человек воспринимает по-разному: знак представляется чем-то условным, символ же открывает реальное присутствие символизируемого предмета, хотя это присутствие иного рода, нежели данность в эмпирическом восприятии самого этого предмета. Знак ассоциируется с запомненным актом сознания, который состоит в переключении внимания на смысл обозначаемого предмета. Иными словами, знак мотивирует воспроизведение запомненной реакции сознания. Поэтому восприятие знака носит нетворческий характер, т.е. не предполагает усмотрения в знаке чего-либо нового, помимо того, что уже запомнено.

Восприятие символа, напротив, носит творческий характер, так как человек стремится из самого символа узнать что-либо новое о символизируемом предмете. Условием этого является выражение символа в образе. Образ может либо существовать в фантазии, либо быть воплощенным в каком-нибудь эмпирическом предмете, может быть сильно схематизированным или, напротив, картинным, художественным, но в любом случае он всегда

должен быть наглядным. Однако символ есть нечто большее, чем образ, так как он не только наглядно передает характер символизируемого предмета, но и создает ощущение онтологического присутствия этого предмета несмотря на то, что сам предмет фактически отсутствует. Следовательно, символ несет в себе такой онтологический момент, который в некоторой степени компенсирует фактическое отсутствие символизируемого предмета.

Энергийная диалектика позволяет выделить этот момент на основе категориального разграничения сущности и энергии. Энергия представляет собой локальное выражение предмета в свойстве или действии, сущность несет в себе бесконечную потенцию энергий предмета. Энергия, будучи действием сущности, является локализованным событием. Сущность присутствует в энергии как нечто вневременное и бесконечное в случающемся и ограниченном. Таким образом, сущность присутствует лишь тогда, когда обнаруживается потенция новых энергий. Следовательно, если в том или ином событии или частной энергии раскрывается потен-